

Б.С. Каганович, Л.Б. Вольфиун

РАИСА БЛОХ В 1930-е ГОДЫ

Новые материалы*

Долгое время имя и творчество талантливой поэтессы и историка-медиевиста Раисы Ноевны Блох (1899–1943), с начала 1920-х гг. жившей за границей и погибшей в нацистском концлагере, были почти неизвестны в России. За последние четверть века положение существенно изменилось: была издана книга стихов Раисы Блох [Блох 1996], вышло несколько посвященных ей статей¹, биографией и творчеством поэтессы занимаются и зарубежные историки русской культуры². Несколько лет назад в одном из французских архивов авторы настоящей работы обнаружили неопубликованные письма Раисы Блох, которые освещают драматические обстоятельства последних лет ее жизни и представляют собой волнующий человеческий документ.

Прежде чем обратиться к представлению этих материалов, напомним основные вехи биографии Р.Н. Блох. Немалая часть сообщаемых ниже данных содержится в литературе о Раисе Блох, но мы сочли необходимым привести их здесь для лучшей ориентации читателя, дополнив новыми материалами.

Раиса Ноевна Блох родилась 17 сентября 1899 г. в Петербурге в состоятельной и культурной еврейской семье. Рано умерший отец был адвокатом, по матери, Доре Яковлевне (урожденной Малкиель), Раиса Блох приходилась двоюродной сестрой известному филологу В.М. Жирмунскому (см.: [У. М. 1974, р. 52])³.

---

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 14-21-17001 «Россия и Западная Европа: пространство европейской культуры (с начала XVIII века до конца 1920-х годов)».

¹ Наиболее ценной из них является, несомненно, статья т. п. Вороновой (см.: [Воронова 1989]). См. также: [Воспоминания Евгении Каннак... 1992; Каннак 1992; Кельнер 1992].

² Из более ранних зарубежных публикаций следует особо отметить сборник научных работ Раисы Блох и ее мужа Михаила Горлина, изданный по инициативе и с предисловием патриарха французской славистики Андре Мазона, учеником и сотрудником которого был Горлин: *Gorlin Michel et Bloch-Gorlin Raissa. Etudes littéraires et historiques. Avant-propos d'André Mazon*. Paris, 1957 ([Gorlin, Bloch-Gorlin 1957], в книгу вошли три статьи Р. Блох). А. Мазону принадлежит также некролог: [Mazon 1946]. В последнее время вышла богато документированная работа: [Gracetta 2014]. К сожалению, не все новейшие публикации были доступны нам в момент написания настоящей статьи. Такова, в частности, работа: [Poljakov 2005].

³ «У меня к Вам большая просьба. Не могли ли бы Вы узнать, как здоровье родителей романтика Вити. От них вот уже год никаких известий, а они люди очень пожилые, и меня это молчание тревожит», — читаем в письме Р. Блох к О.А. Добиаш-Рождественской от 27 марта 1931 г. (ОР РНБ. Ф. 254. Д. 344. Л. 11). Несомненно, речь здесь идет о В. Жирмунском, ранние работы которого были посвящены немецкому романтизму.

В 1916 г., по окончании гимназии, она поступила на историко-филологический факультет Бестужевских курсов, которые после революции были объединены с университетом. Блох специализировалась по западной медиевистике, занималась у профессоров О.А. Добиаш-Рождественской (прежде всего), Л.П. Карсавина и И.М. Гревса, слушала лекции М.И. Ростовцева, Ф.Ф. Зелинского, С.Ф. Платонова, Н.О. Лосского и других выдающихся ученых. Ее товарищами по университету были историки А.Д. и В.С. Люблинские, Е.Ч. Скржинская, В.В. Бахтин, М.А. Гуковский, получившие впоследствии значительную известность в науке.

Одновременно Р.Н. Блох писала стихи и занималась в переводческой студии М.Л. Лозинского, в которого, как и большинство студийек, была влюблена⁴. Она приняла участие в коллективном переводе сонетов Ж.М. Эредиа и перевела в сотрудничестве с братом и его женой пьесы К. Гоцци, Н. Макиавелли и Б. Джонсона⁵. Ее брат, Яков Ноевич Блох (1892–1968), был руководителем издательства «Петрополис», где вышло большинство этих переводов, а впоследствии три сборника стихов Раисы Блох. В 1920 г. молодая поэтесса и переводчица стала членом-соревнователем Всероссийского союза поэтов, председателем которого был А. Блок, а в приемную комиссию входили Н. Гумилев, М. Кузмин и М. Лозинский (см.: [Литературное наследство 1987, с. 689]). С Гумилевым и особенно с Кузминым она была довольно хорошо знакома, главным образом благодаря брату-издателю⁶.

В 1920–1921 гг. Р.Н. Блох работала помощником библиотекаря в отделении искусств Публичной библиотеки, которое возглавлял тогда М.Л. Лозинский. Петроградский университет она окончила в 1922 г. и в том же году вместе с семьей брата (матери уже не было в живых) уехала в Берлин. Здесь Блох продолжила в университете свое историческое образование, слушая лекции и занимаясь в семинарах крупных немецких историков и искусствоведов А. Бракмана, М. Дессуара, А. Гольдшмидта, А. Гарнака, Ф. Мейнеке, Э. Перельса, К. Штелина и др. В 1928 г. она получила немецкий диплом и начала работать ассистентом в знаменитом институте *Monumenta Germaniae Historica* («Исторические памятники Германии»), занимающемся научным изданием средневековых текстов.

Ценнейшим свидетельством эмигрантской жизни Раисы Блох являются ее письма в Ленинград к любимому учителю О.А. Добиаш-Рождественской⁷. Она

⁴ Ср. записи другой студийки, в которых неоднократно упоминается Р. Блох: [Оношкович-Яцына 1993].

⁵ См.: *Гоцци К. Ворон* / пер. Я. и Р. Блох // *Гоцци К. Сказки для театра*. Пг.; М., 1923. Т. 1 (неоднократно переиздавалось); *Джонсон Б. Эписин, или Молчаливая женщина* / пер. Е. и Р. Блох. Пг., 1921; *Макиавелли Н. Мандрагора* / пер. В.А. Ракинта; Стихи в пер. Р. Блох. Берлин, 1924; *Эредиа Ж.М. Трофеи*. М., 1973. Сонет Дж. Бруно в переводе Р. Блох приведен в книге Л.П. Карсавина «Джиордано Бруно» (Берлин, 1923. С. 239–240).

⁶ Ср. записи в дневнике М. Кузмина: «Вечером был у Раи и Доры Яковлевны. Ничего, скучно без Якова Ноевича и Елены Исааковны, но радушны и любезны» (19 июня 1921); «Зашел к Блохам. Дора Яковлевна и Рая очень утешительны» (9 сентября 1921) [Кузмин 1993, с. 462, 484]. Важное свидетельство содержится в записи от 22 сентября 1921 г.: «Ночью арестовали Елену Исааковну и Раю» [Там же, с. 488]. Арест, если он действительно имел место (это единственное известное нам упоминание о нем), был, вероятно, непродолжительным.

⁷ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 343–345. Наиболее важные фрагменты этих писем приведены в указанной выше статье т. п. Вороновой.

жестко тосковала по России и Петербургу (к этому времени относится едва ли не самое известное стихотворение Р. Блох «Чужие города», легшее в основу песни А. Вертинского), жалованье в Monumenta было незначительным, приходилось давать уроки, брать разные подработки. Думается, однако, что, несмотря на все это, берлинское десятилетие стало для Раисы Блох продуктивным в научном и литературном отношении. Она опубликовала две солидные научные работы [Bloch 1930, 1931] и книгу стихов [Блох 1928], обратившую на себя внимание. Р. Блох не пролагала новых путей в поэзии, но ее скромный и чистый голос был оценен такими критиками, как К. Мочульский и Г. Адамович, отметившими, в частности, ее органическую принадлежность к «петербургской школе». В Берлине Р. Блох входила в литературный кружок, членами которого были С. Прегель, М. Горлин, В. Набоков, В. Корвин-Пиотровский, В. Франк и др. [Воспоминания Евгении Каннак... 1992, с. 243]⁸. Она переводила на немецкий язык стихотворения С. Есенина и А. Ахматовой⁹, на русский язык — поэтессу Х в. Хросвиту Гандерсгеймскую и Поля Валери, ездила в Италию¹⁰. Имеются также данные, что вместе с М. Горлиным Р. Блох выпустила несколько детских книг под псевдонимом «Мираев»¹¹.

Свои работы Р.Н. Блох посылала в Ленинград обоим своим учителям — в науку и в поэзии. Ольге Антоновне она писала о своей работе, душевном состоянии, о немецких коллегах, сообщала научные новости. Из писем видно, что Рая (как она подписывалась) выполняла ряд литературных поручений Добиаш-Рождественской: следила за печатанием ее работ за границей, наводила некоторые библиографические справки, покупала книги (в счет оставленных ей денег).

С начала 1930-х гг. в письмах Р. Блох усиливаются тревожные ноты в связи с нарастанием кризисных явлений и фашистских тенденций в Германии. Вскоре после прихода к власти Гитлера, в марте 1933 г. Раиса Блох была уволена из Monumenta и покинула Германию. К лету 1933 г. она приехала в Париж.

К этому, последнему в жизни Раисы Блох, парижскому периоду и относятся публикуемые нами материалы. Для понимания их необходимо, однако, дать еще некоторые пояснения.

Во Францию Р.Н. Блох попала, глубоко потрясенная разгулом нацизма в Германии и поведением ряда коллег. 1 июня 1933 г. она писала О.А. Добиаш-Рождественской: «Как я счастлива, что больше не вижу торжествующих арийцев с правильной формой черепа и негнущимися спинами» (цит. по: [Воронова 1989, с. 73]). В Париже огромную моральную и практическую помощь Раисе Блох оказала семья Лот.

⁸ Автор воспоминаний Е.О. Каннак (урожд. Залкинд; 1903–1986) также была членом этого кружка.

⁹ О переводческой деятельности Р. Блох см.: [Poljakov 2013].

¹⁰ В письмах к О.А. Добиаш-Рождественской она сообщает, между прочим, о встречах во Флоренции с медиевистом, бывшим доцентом Петербургского университета Н.П. Оттокар (1884–1957), уехавшим в 1922 г. в Италию, не называя прямо его фамилии (см., например: ОР РНБ. Ф. 254. Д. 345. Л. 34 (письмо от 7 ноября 1932 г.). В открытке из Флоренции от 24 сентября 1932 г. приписка на итальянском языке принадлежит, вероятно, Оттокару. Там же. Л. 31). В Берлине Р.Н. Блох поддерживала контакты с Л.П. Карсавиным и его дочерью Ириной.

¹¹ См.: [Воспоминания Евгении Каннак... 1992, с. 251] (коммент. А. Клементьева).

Фердинанд Лот (Lot; 1866–1952) был одним из крупнейших французских медиевистов первой половины XX в., профессором Сорбонны и членом Академии надписей и словесности [Perrin 1968]. Он и его русская жена, известный французский филолог-романист Мирра Ивановна Лот-Бородина (1882–1957), были близкими друзьями О.А. Добиаш-Рождественской, учившейся у Ф. Лота в Сорбонне и Ecole des Hautes Etudes (Школа высших исследований) в 1908–1911 гг. (см.: [Каганович 2007, 2010]). Несомненно, что она просила Лотов оказать «Раичке» возможную помощь.

Письма Раисы Блох к О.А. Добиаш-Рождественской, начиная с первого парижского письма от 1 июня 1933 г., полны самых теплых и благодарных слов о семье Лот. Например: «М. Lot и Мирра Ивановна необыкновенно милые, сердечные, добрые люди. Они делают всё возможное, чтобы примкнуть к какому-нибудь делу несчастную ассистентку, испорченную высшим образованием... Я от таких добрых, тонких, умных учителей за годы моей немецкой бursy успела отвыкнуть»¹². «Все они замечательно добрые и благородные, но лучше всех сам шерметр¹³, радостно знать, что есть на свете такие добрые люди» [Воронова 1989, с. 75]¹⁴. У Раисы Блох сложились дружеские отношения с дочерьми Лотов Ирен и Марианной, которые в то время кончали университет¹⁵. Очарована она была и городом Парижем.

На первое время Ф. Лот определил Р. Блох в дом для приезжающих ученых в Университетском городке на юге Парижа, где она прожила несколько месяцев. Будучи членом международного комитета по подготовке нового издания классического словаря средневековой латыни, составленного в XVII в. Дюканжем, Ф. Лот устроил Р. Блох на работу по контракту в редакцию «Нового Дюканжа». Она занималась просмотром средневековых латинских текстов и расписыванием их на карточки. Аналогичную работу на тех же условиях выполнял и другой ученик О.А. Добиаш-Рождественской по Петроградскому университету — В.Н. Лосский (1903–1958), сын известного русского философа и сам впоследствии видный православный теолог, но также и хороший знаток западных мистических текстов. «Будьте уверены, что пока я смогу возглавлять это мероприятие от французской стороны и пока я буду иметь в своем распоряжении хоть какие-то денежные суммы, ни Лосский, ни Р. Блох не будут покинуты», — заверял Ф. Лот О.А. Добиаш-Рождественскую [Там же, с. 79]¹⁶. В. Лосский был женат на обратившейся в православие троюродной сестре Р. Блох Магдалине Шапиро, и они нередко именуется в ее письмах кузенами. Оплачивалась работа в Дюканже довольно скудно, и чтобы как-то сводить концы с концами Р. Блох одновременно стала работать секретарем в журнале «Revue d'histoire de la Pharmacie».

Небезынтересны ее сравнительные оценки французской и немецкой науки в письмах к О.А. Добиаш-Рождественской. Находясь в Германии, Р. Блох порой до-

¹² ОР РНБ. Ф. 254. Д. 345. Л. 46. Ср.: [Воронова 1989, с. 73], письмо от 1 июня 1933 г.

¹³ От фр. *cher maître* — дорогой учитель.

¹⁴ Июль 1933 г.

¹⁵ В 1934 г. Ирен Лот вышла замуж за русского эмигранта, будущего героя французского Сопротивления Бориса Вильде, который также вошел в круг друзей Р. Блох.

¹⁶ Письмо от 26 декабря 1933 г.

вольно скептически отзывалась о немецкой медиевистике в посланиях, отправляемых на берега Невы. Так, 24 апреля 1930 г. она писала Ольге Антоновне: «А что касается немецкой школы, то я думаю, Вы слишком ей симпатизируете. Право же, я больше любила науку, и веселее мне было работать, когда я не знала “немецкой школы”... Не верю я больше в объективную ценность всей этой канители, которая никого не интересует, даже самого работодателя не трогает»¹⁷. Ей же, 25 января 1931 г.: «Поздравляю Вас с выходом в свет “Голиардов”¹⁸. Книга получилась большая, красивая, такая, что ее хочется читать всякому образованному человеку... Нам, немцам, следовало бы поучиться, как писать такие книги. У нас мужества хватает только на *Urkundenforschung*¹⁹ и на примечания. Тратятся средства на издания никому не нужных, никому не интересных томов, а сколько тратится молодых сил — об этом и говорить не приходится. Лишь бы только не пропустить какой-нибудь цитаты или ссылки, а что книга мертвая — это не важно»²⁰. Но оказавшись во Франции, Р. Блох в конце 1933 г. не удержалась от признания: «Ох, не нравится мне здешняя наука (т. е. вульгарные ее проявления). Только Шерметру, прошу Вас, не пишите этого. Он на сто голов выше других. У меня от схоластической риторической чепухи, от которой ничего не остается в голове, тоска на душе и всё вспоминаю строгие, скромные мои Монументы» [Воронова 1989, с. 78]²¹. Разумеется, эти высказывания в частных письмах никоим образом не могут рассматриваться как окончательные суждения, но они достаточно характерны.

В 1935 г. Раиса Блох вышла замуж за своего берлинского друга, филолога и поэта Михаила Генриховича Горлина (он был моложе ее на 10 лет, 1909 года рождения), также перебравшегося после установления нацистской диктатуры в Париж и писавшего диссертацию в Славянском институте Сорбонны под руководством профессора Андре Мазона. В 1936 г. у Горлиных родилась дочь Дора. Извещая 11 февраля 1936 г. Ольгу Антоновну о предстоящем событии, Раиса писала: «Я сообщу эту новость Диди (т. е. Фердинанду Лоту. — Б.К.) в самую последнюю минуту, когда уже нельзя будет об этом молчать. Диди пессимист... Будет качать головой, говорить о нашей крайней бедности. Нам же нельзя рассуждать, нельзя терять времени и нам надо надеяться, что хватит сил и здоровья, чтобы дать счастливую жизнь тому, кто родится, оттого что мы любим друг друга»²². Читая сегодня эти строки и зная судьбу родителей и ребенка, с ужасом думаешь, как жестока бывает жизнь к человеку.

Как это ни парадоксально, в парижский период Р. Блох не опубликовала научных работ, сопоставимых с ее статьями берлинского периода (нам известны только несколько рецензий и небольшая статья об аптеке во времена Карла Лысого [Gorlin 1940], но, вероятно, были еще какие-то публикации, а какие-то вещи могли остаться ненапечатанными). Связано это, конечно, было с необходимостью зарабатывать

¹⁷ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 343. Л. 21.

¹⁸ Речь идет о книге: *Dobiache-Rojdestvsky O. Les Poésies des Goliards / groupees et traduites avec le texte latin en regard*, par O. Dobiache-Rojdestvsky. Paris, 1931.

¹⁹ Изучение документов (нем.).

²⁰ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 344. Л. 4.

²¹ Письмо от 13 декабря 1933 г.

²² ОР РНБ. Ф. 254. Д. 345. Л. 75–76.

на жизнь и заботой о маленькой дочери, которую она страстно любила. По словам Е. Каннак, «...роль главы семьи выпала на долю Раисы: это ей приходилось разыскивать квартиру, подписывать деловые бумаги, добиваться разрешения на постоянное жительство во Франции. “Что поделаешь, — говорила она мне, вздыхая и улыбаясь. — Ведь у Миши нет ни капли практического смысла”» [Воспоминания Евгении Каннак... 1992, с. 245]. Но Р. Блох продолжала писать стихи и выпустила два поэтических сборника (второй включал стихи ее и Мирры Лот-Бородиной)²³.

Вторая мировая война положила конец этому трудному, но достойному и, хочется сказать, светлomu существованию. Далее начинается мартирология. По воспоминаниям Е. Каннак, в мае 1940 г. Горлины, опасаясь бомбардировок Парижа, приехали с дочерью в приморский город Сен-Мало в Бретани, где их и застала немецкая оккупация. Затем они вернулись в Париж. 14 мая 1941 г. М. Горлин был вызван в полицию, арестован вместе с другими польскими евреями (он имел польское гражданство) и отправлен в лагерь интернирования в Питивье под Орлеаном, где использовался на разных работах. Попытки французских ученых А. Мазона, Ф. Лота, П. Паскаля и А. Вайяна добиться его освобождения успехом не увенчались. Какое-то время режим в лагере был довольно либеральным: жена регулярно навещала Горлина, привозила ему книги и даже пыталась организовать его бегство, но неудачно. 17 июля 1942 г. М. Горлин был депортирован в Аушвиц, где его следы теряются. Точная дата смерти Горлина неизвестна, несомненно только, что он погиб в нацистских концлагерях²⁴.

Раиса, опасаясь ареста, покинула Париж, оставив на некоторое время дочь у Андре Мазона, и обосновалась в деревне Вик-сюр-Сер (Vic sur Cère) в Оверни, где стала воспитательницей в приюте для детей-сирот, который создали еврейские и христианские организации. Служащий мэрии Роже Бонур (Roger Bonhoure) выдал ей документы на имя Michèlle Miraille, и она смогла взять к себе дочь. На сайте мемориального комплекса Яд Вашем в Иерусалиме Раиса Горлин-Блох фигурирует как «участница еврейского подполья во Франции». В конце 1942 г. 6-летняя Дора внезапно заболела дифтеритом и умерла. «Преодолеть это горе Раиса была не в силах, ведь Дорочка стала ее единственным утешением, единственной радостью» [Воспоминания Евгении Каннак... 1992, с. 250]. К этому времени относятся несколько трагических стихотворений Р. Блох, может быть, лучших в ее литературном наследии [Блох 1996, с. 105–108].

В октябре 1943 г., при попытке выехать в Швейцарию (куда незадолго до того удалось перебраться ее брату с семьей), Раиса Блох была задержана швейцарскими пограничниками, усомнившимися в подлинности ее документов, выдана немцам и доставлена в транзитный лагерь в Дранси под Парижем. 20 ноября 1943 г. она была отправлена в лагерь смерти Аушвиц (Освенцим), где, по всей вероятности, сразу же попала в газовую камеру.

---

²³ Блох Р. Тишина. Берлин, 1935; Лот-Бородина М., Блох Р. Заветы. Брюссель, 1939. Через двадцать лет в Париже стараниями друзей был посмертно издан сборник: Блох Р., Горлин М. Избранные стихотворения. Париж, 1959.

²⁴ Об обстоятельствах последних трех лет жизни и гибели Р. Блох и М. Горлина см.: [Graceffa 2014, p. 214–219]. К сожалению, мы не имели пока что возможности ознакомиться со статьей: [Поляков 2012].

* * *

В архиве Фердинанда Лота, находящемся в библиотеке Института Франции, сохранились одиннадцать писем к нему Раисы Блох за 1933–1940 гг., которые освещают французский период ее жизни. Поскольку последнее сохранившееся письмо Р. Блох к О.А. Добиаш-Рождественской датировано 11 февраля 1936 г., для более позднего периода письма к Ф. Лоту как биографический источник в какой-то мере заменяют их, хотя, конечно, они выдержаны в иной тональности и не носят столь «исповедального» характера (к сожалению, нам неизвестны письма Р.Н. Блох к М.И. Лот-Бородиной — в библиотеку Института ее материалы не передавались). Письма, относящиеся к довоенному времени, связаны в основном с работами Р. Блох для словаря Дюканжа, которые курировал Ф. Лот. Бóльшая их часть написана во время летних каникул, так как в рабочий сезон они регулярно встречались (встречи эти живо представлены в одном из писем Р. Блох к О.А. Добиаш-Рождественской: «Вам кланяется Володя <Лосский>. Мы с ним и с Вашим и нашим шерметром встречаемся по пятницам в передней Institut среди мраморных голов, а потом пьем кофе в deux Magots против St. Germain de Prés»²⁵). Вместе с тем письма свидетельствуют о дружеских отношениях Р. Блох не только с самим Ф. Лотом, но и с его семьей — она хорошо знакома с его женой и дочерьми, в курсе их занятий и интересов, бывает у них дома.

Едва ли не единственным упоминанием о событиях «большой истории» в этих письмах Р. Блох является негодующий отклик на советско-германский пакт в письме от 25 августа 1939 г., с примечательными словами: «Бедная Ольга Антоновна, как она должна страдать»²⁶.

Письма Р. Блох первого военного года — все они относятся ко времени до начала немецкой оккупации — очень наглядно отражают ее экзистенциальную ситуацию, отчаяние и надежды обреченного человека, метания семьи Горлиных в период «странной войны». Это еще только кануны грядущей трагедии, но веяние ее явственно ощутимо в этих глубоко человеческих документах.

Письма Р.Н. Блох печатаются в переводе с французского языка, выполненном публикаторами по автографам из архива Ф. Лота²⁷.

Источники и литература

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

Блох 1928 — *Блох Р. Мой город*. Берлин, 1928.

Блох 1996 — *Блох Р. Здесь шумят чужие города...* / сост. и предисл. В. Леонидова. М., 1996.

²⁵ [Воронова 1989, с. 77], письмо от 5 октября 1933 г.

²⁶ О.А. Добиаш-Рождественская умерла 30 августа 1939 г., за день до начала Второй мировой войны; о ее симпатиях к внешнеполитическому курсу М.М. Литвинова, направленному на сдерживание гитлеровской экспансии в Европе в союзе с западными демократиями, см.: [Каганович 2007, с. 136, 159].

²⁷ Bibliothèque de l'Institut de France. Ms. 7306. Fol. 362–373 (Raissa Bloch-Gorline. Lettres à F. Lot (1933–1940)).

- Воронова 1989 — *Воронова Т.П.* Раиса Блох — русская поэтесса и историк западного средневековья (из переписки с О.А. Добиаш-Рождественской) // Проблемы источниковедческого изучения истории русской и советской литературы. Л., 1989. С. 54–85.
- Воспоминания Евгении Каннак... 1992 — Воспоминания Евгении Каннак о поэтах Михаиле Горлине и Раисе Блох / публ. А. Клементьева // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1992. Вып. 1. С. 242–252.
- Каганович 2007 — *Каганович Б.С.* Русские медиевисты первой половины XX века. СПб., 2007.
- Каганович 2010 — Между Петербургом и Парижем. Из переписки М.И. Лот-Бородиной и И.И. Любименко // С.-Петербург и Франция: Наука, культура, политика. СПб., 2010. С. 455–473.
- Каннак 1992 — *Каннак Е.* Верность. Воспоминания, рассказы, очерки / сост. А. и С. Клементьевы. Париж, 1992. С. 150–167.
- Кельнер 1992 — *Кельнер В.* «Здесь шумят чужие города и чужая плещется вода...» (О поэтессе Раисе Блох) // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1992. Вып. 1. С. 253–263.
- Кузмин 1993 — *Кузмин М.* Дневник 1921 года / публ. Н. Богомолова и С. Шумихина // Минувшее. М.; СПб., 1993. Т. 13. С. 457–524.
- Литературное наследство 1987 — Литературное наследство. Т. 92, кн. 4. М., 1987.
- Лосский 2008 — *Лосский Н.О.* Воспоминания. М., 2008.
- Оношкович-Яцына 1993 — *Оношкович-Яцына А.И.* Дневник 1919–1927 / публ. Н.К. Телетовой // Минувшее. М.; СПб., 1993. Т. 13. С. 355–456.
- Поляков 2012 — *Поляков Ф.Б.* «Трагическая и неискупимая судьба»: Свидетельства о гибели Михаила Горлина // Avoti. Труды по балто-российским отношениям и русской литературе. В честь 70-летия Бориса Равдина. Stanford, 2012. С. 212–233.
- Bloch 1930 — *Bloch R.* Die Klosterpolitik Leos IX. in Deutschland, Burgund und Italien // Archiv für Urkundenforschung. 1930. Bd. 11. S. 176–257. Отд. изд.: Berlin; Leipzig, 1930.
- Bloch 1931 — *Bloch R.* Verwandtschaftliche Beziehungen des sächsischen Adels zum russischen Fürstenhause im XI. Jahrhundert // Festschrift Albert Brackmann. Weimar, 1931. S. 185–206.
- Gorlin 1940 — *Gorlin R.* Une pharmacie sous Charles le Chauve // Revue d'histoire de la Pharmacie. 1940. № 44. P. 277–279.
- Gorlin, Bloch-Gorlin 1957 — *Gorlin M., Bloch-Gorlin R.* Etudes littéraires et historiques / Avant-propos d'André Mazon. Paris, 1957.
- Graceffa 2014 — *Graceffa A.* Raïssa Bloch-Gorlin (1898–1943). Parcours d'une historienne du Moyen Âge à travers l'Europe des années noires // Петербургский исторический журнал. 2014. № 3. P. 200–223.
- Mazon 1946 — *Mazon A.* Raïssa et Michel Gorlin // Revue des études slaves. 1946. T. 22. P. 289–291.
- Perrin 1968 — *Perrin Ch.-E.* Un historien français, Ferdinand Lot, 1866–1952. Genève, 1968.
- Poljakov 2005 — *Poljakov F.B.* «Der steinerne Boden des Exils»: Materialien zu Leben und Werk des Dichterpaares Michail Gorlin und Raisa Bloch // Slavistische Forschungen. In memoriam Reinhold Olesch. Köln; Weimar; Wien, 2005. S. 219–234.
- Poljakov 2013 — *Poljakov F.* Zur Übersetzungstätigkeit von Michail Gorlin und Raisa Blochins Deutsche: Materialien im Nachlass Fritz Lieb // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 2013. N.F. Bd. 1. S. 276–289.
- Prevet 1940 — *Prevet F.* Contribution à l'étude de l'évolution historique des techniques d'organisation sociale appliquées à la pharmacie. Paris, 1940.
- Y. M. 1974 — *Y. M.* <Yakov Malkiel>. Victor M. Zirmunskij // Romance Philology. 1974. Vol. 28, № 1. P. 52–56.

№ 1

12.VIII.1933
7 Boulevard Jourdan, Cité Universitaire
Fondation des Etats Unis

Дорогой месье Лот!

Благодарю Вас за письмо. Здесь несколько дней была изнуряющая жара, но теперь стало прохладней. Монсеньер Лакомб¹ позволил мне работать дома. В <Университетском> городке я чувствую себя вполне хорошо. Я могу писать карточки в саду, что делает работу гораздо более приятной. Сейчас я просматриваю части каталога, относящиеся к Германии.

Несколько дней назад я ездила в Шатене² повидать Мирру Ивановну, и мы совершили очень приятную романтическую прогулку по парку. Надеюсь, что на следующей неделе я смогу еще раз вернуться туда.

Вчера я отослала деньги Владимиру Лосскому. Они писали мне, что очень довольны своим пребыванием в Сулаке, хотя там было чересчур жарко.

Привет Вам и всем Вашим, месье, желаю Вам хорошего отдыха после стольких трудовых месяцев.

Преданная Вам

Раиса Блох

---

¹ Джордж Лакомб (ум. 1934) — американский католический ученый-медиевист, занимался подготовкой каталога рукописей средневековых латинских переводов Аристотеля, в работе над которым ему, по рекомендации Ф. Лота, некоторое время помогала Р. Блох.

² Ср. в письме Р. Блох к О.А. Добиаш-Рождественской от 8 августа 1933 г.: «Только что вернулась из Chatenay — имения Шатобриана, где отдыхает теперь жена моего нового милого учителя. Провела с нею день на зеленом лугу; она показывала мне деревья, которые посадил сам Шатобриан. Говорили про друзей, которых любим. Я сегодня с нею подружилась больше, чем раньше: в ней много доброты, и сердечности, и чистоты душевной» (ОР РНБ. Ф. 254. Д. 345. Л. 56).

№ 2¹

Auberge du Cedre
Fourqueux (S.et O.)

Дорогой месье Лот,

Я только что получила Вашу открытку и деньги из Института. Я бесконечно благодарна Вам. Здесь тоже часто пасмурно, но так как в лесу есть шампиньоны, я чувствую себя совершенно счастливой.

Привет и наилучшие пожелания всем вашим.

Преданная Вам

Раиса Блох

¹ Открытка. Датирована карандашом (вероятно, рукой М. Лот-Бородиной или одной из дочерей Ф. Лота, сдававших его архив в Библиотеку Института Франции): Août 1934 (август 1934 г.).

№ 3

30.X.1934
61, rue Chardon Lagache
Paris (XVIe)

Дорогой месье Лот,

Я только что получила Ваше письмо. Спасибо за Ваше любезное приглашение. Я приеду в Фонтене¹ в среду, то есть завтра в 4 часа и постараюсь взять с собой как можно больше книг. Шлю Вам и всем Вашим наилучшие пожелания.

Раиса Блох

---

¹ Лоты жили в южном пригороде Парижа Фонтене-о-Роз.

№ 4

Paris, 19.XII.1937
12, rue Claude-Lorrain, Paris (16^e)

Дорогой месье Лот,

Я только что узнала от Ирен, что Ваш грипп еще не совсем прошел. Думаю, что из-за холодной погоды Вы не приедете в город. Не знаю, когда будет заседание Института, поскольку пятница приходится на 24 декабря. Поэтому я позволяю себе прислать Вам список классификаций и разборов (dérouillements) (последние сведены к минимуму). Мы с Мишей регулярно работаем над классификацией карточек. В нашем зале в Архиве я отдельно откладываю всё, что уже сделано. Имеется уже более 50 каталожных ящиков — то, что сделала я и что было сделано раньше. Мой кузен очень активно занимается классификацией.

Желаем Вам, дорогой месье, Мирре Ивановне и всем Вашим хороших праздников и хорошего здоровья.

Надеемся скоро увидеть Вас.

С самыми искренними и дружескими чувствами

Раиса Горлин

№ 5

18.VII.1939
12, rue Claude-Lorrain, Paris (16^e)

Дорогой месье Лот,

Вот маленькая дюканжевская заметка. Я очень благодарна Вам за статью о Герберте¹. Прочла ее с большим интересом, поскольку питаю к Герберту и его сочинениям большую симпатию. На каникулах я напишу рецензию на диссертацию, которую Вы мне прислали одновременно с заготовками для главы о каролингской литературе².

Как Вы, дорогой месье Лот? Тепло ли на берегу моря?

Мы уезжаем на следующей неделе (27 июля вечером), если всё будет хорошо. Пора. Мы оба начинаем всерьез уставать (от всего).

Маленький сборник стихов выйдет через несколько дней. Я только что получила вторую корректуру.

Сердечный привет и наилучшие пожелания.

Преданная Вам Р. Горлин

P.S. Я оставлю свой адрес в кассе Института.

---

¹ Имеется в виду средневековый ученый Герберт Реймский (945–1003), ставший в 999 г. римским папой под именем Сильвестра II.

² Нам не удалось установить, о каких работах здесь идет речь.

№ 6

Chalet Gaudin
St. Georges de Didonne
Charent-Maritime
25.VIII.1939

Дорогой месье Лот,

Мы всё еще в Сен-Жорж-де-Дидон и думаем остаться здесь во всяком случае до следующего понедельника. Не знаю, остаетесь ли Вы еще в Конда. Представляю себе душевное состояние, в которое повергли Вас все эти события, дорогой месье Лот. То, что сделала Россия, позорно, и мучительно сознавать это.

Мы совершенно потрясены и не очень знаем, что делать. Поскольку мы здесь в довольно спокойном месте, я думаю, что разумно подождать несколько дней, прежде чем вести дочь в Париж, откуда через несколько дней будут увозить детей.

Если всё уладится, мы вернемся в начале следующей недели, и я смогу прийти в пятницу в Институт. Если события будут по-прежнему угрожающими, мы еще останемся на некоторое время в Сентонже. Я напишу Вам в понедельник, чтобы Вы были в курсе. Мы думаем поехать в Сент. Это столь же фантастический

проект, как и в прошлом году Пуатье¹, но Сент рядом и в нем есть библиотека и коллеж.

Что касается Дюканжа, то мне нужно еще около четырех недель и тексты для написания статьи о Каролингском возрождении и двух рецензий.

Если произойдет худшее, Миша и я сделаем всё, что велит нам долг. Да избавит нас Бог от всего этого.

Бедная Ольга Антоновна, как она должна страдать.

Сердечный привет Вам и всем Вашим. Очень хотела бы получить от Вас весточку.

Преданная Вам

Р. Горлин

P.S. Спасибо за присылку 400 франков, которые я получила от Института. Я заработала только 350 франков.

Сердечный привет от Миши.

---

¹ Вероятно, имеется в виду ожидание войны осенью 1938 г. в связи с событиями вокруг Чехословакии.

№ 7

7.IX.1939
Chalet Gaudin
St. Georges de Didonne
Charent-Maritime

Дорогой месье Лот,

Благодарю Вас за письмо. Я получила его накануне событий, кажется, 1 сентября. Сейчас даже срочные письма идут из Парижа в Сен-Жорж пять дней, и мы здесь отрезаны от всех новостей, без денег и с маленькой Дорой, которая совершенно безмятежна.

Ваше письмо было очень грустным, дорогой месье Лот. Я очень огорчена, что Мирра Ивановна чувствует себя неважно. Конечно, Фонтене-о-Роз не является защищенным местом, и я беспокоюсь за Вас и Вашу семью.

Не думаю, что я смогу привести свою дочь в Париж и что смогу разлучиться с ней. Для нас лично всё происходящее — большая катастрофа. Хорошо понимаю, что есть вещи поважнее, чем личная судьба, но наша участь не становится от этого легче. Ко всем прочим тревогам прибавляется угроза нищеты. Я чувствую, что не в состоянии работать в Париже. У меня больше нет сил после всего, что я видела в жизни.

Мы еще ничего не решили. Может быть, мы поедem с нашими друзьями, у которых сейчас живем, в Нант, куда они переехали. Пуатье не подходит для пари-

жан. Если этот проект осуществится, нужно будет подумать о том, что там можно будет делать. Кажется, это большой город, в котором есть два лица, и, конечно, я возьмусь за любую работу. Нет ли у Вас знакомых в Нанте?

Что касается Дюканжа, если он еще существует, то мне нужны для работы еще две недели (*lithurgia gallicana*). Когда закончу, пошлю карточки в Париж. Если библиотека в Нанте будет доступна, я найду там все тексты, необходимые для статьи о Каролингском возрождении. Конечно, я не думаю заниматься только абстрактными вещами в трудный момент, переживаемый нами. Я хочу приносить пользу.

Как Ирен и Марианна? Нет ли у Вас известий о моем кузене? Очень беспокоюсь за него, его жену и их четырех детей. Я напишу Вам через несколько дней, когда мы примем решение.

Сердечный привет от нас, дорогой месье Лот, Вам, Мирре Ивановне и всей Вашей семье.

Преданная Вам

Р. Горлин

P.S. Мы остаемся в Сен-Жорж еще около недели.

№ 8

6.IV.1940

12, rue Claude-Lorraine, Paris (16^e)

Дорогой месье Лот,

Вчера вечером, вернувшись из Института, я подумала о возможности, которая до того не приходила мне в голову. Нельзя ли относительно моего сотрудничества в Дюканже обратиться к г-ну Либману-отцу, который шесть лет назад проявил такое великодушие по отношению ко мне¹. Он внес сумму в 6000 франков и сказал мне, между прочим, что он никогда не оставит меня. Сейчас, учитывая курс доллара, ему было бы не трудно предоставить такую же сумму и тем более меньшую. Это позволило бы мне продолжить просмотры картуляриев, пусть пока медленно, — это определенно было бы большим подспорьем для меня и, надеюсь, бесполезно для Дюканжа.

Самой мне неудобно просить денег у г-на Либмана, но письмо от Вас, объясняющее мою ситуацию, наверняка возымело бы положительный эффект, и потому что его сын хорошо знает нас: меня, моего мужа и даже нашу дочь.

Простите, дорогой месье Лот, что я беспокою Вас, но я не могла не поделиться этой идеей, так как перспектива необходимости полностью расстаться с Дюканжем очень огорчает меня.

В понедельник я буду в Школе высших исследований (*l'École des Hautes Etudes*). Видела своего кузена и очень серьезно поговорила с ним.

Наилучшие пожелания Вам, Мирре Ивановне и Всем вашим.

Преданная Вам

Раиса Горлин

Вот адрес г-на Либмана-отца:
220 East 73 Street. New York City. U.S.A.

Поскольку обычные письма идут больше месяца, может быть, имело бы смысл написать авиапочтой (via clipper).

---

¹ Ср. в письме Ф. Лота к О.А. Добиаш-Рождественской от 26 декабря 1933 г.: «Прошлым летом я смог получить от одного американца и положить в банк небольшую сумму на имя Вашего друга, при условии, что она будет делать выписки из Дюканжа для нашей Академии» (цит. по: [Воронова 1989, с. 79]).

№ 9

21.V.1940

Дорогая Мирра Ивановна!

Мы приехали в Бретань и воссоединились. Я не могла больше оставаться вдали от нее. Бесконечно сожалею, что не смогла приехать в Фонтене до отъезда. Решение было принято очень быстро.

Мы надеемся скоро вернуться в Париж и продолжить все наши работы, но так как, возможно, придется принимать какие-то решения, не думаю, что Нуну¹ сможет сделать всё одна.

Дорогая Мирра Ивановна! Я все время думаю о Вас и о Вашей семье. Надеюсь, что будут хорошие известия от кого-либо из вас.

Мой брат и его жена в Париже. Как здоровье Ваше и г-на Лота?

Сердечно обнимаю Вас.

Ваша Раиса Горлин

---

¹ Вероятно, домашнее имя одной из дочерей Ф. Лота.

№ 10

21.V.1940

Saint-Malo

8 bis Boul. de Republique
Chez Madame Paillardon

Дорогой месье Лот,

Со вчерашнего дня мы в Сен-Мало. Я в отчаянии, что не смогла повидаться с Вами. Я хотела как можно быстрее воссоединиться с Дорой и приняла решение уехать в течение нескольких часов. Мы надеемся скоро вернуться к нашей работе, но мне было необходимо быть рядом с дочерью. Я оставила у м-ль Фремон книги, которые Вы любезно дали мне прочитать, прося вернуть их Ирен, равно как и бывший у меня пакет заметок об уже сделанных просмотрах.

Я оставила у себя только акты Филиппа I и Карла Простого. Они здесь со мной и вместе с некоторым числом карточек. Список картуляриев, который Вы мне дали, находится у Лосского.

Посылаю Вам список работ, выполненных за последние месяцы. Последнее время я работала над детальным списком авторов XI века, которых я уже просмотрела и тех, которых еще нужно будет просмотреть. Я передала Лосскому всё, что сделала.

Как Вы, дорогой месье Лот? Я не приехала в Фонтене, потому что не хотела тревожить Вас и Мирру Ивановну, а в последний день не смогла, так как нельзя было быстро связаться. Это очень огорчительно, так как мне хотелось повидать всех вас.

Мирра Ивановна как-то говорила мне, что Вы собирались поехать в Ваш дом в Бретани. Кажется, это не очень далеко отсюда.

Надеюсь скоро увидеться со всеми вами в Париже. Моя дочь чувствует себя хорошо.

Что касается Дюканжа, то я пока не получила ответ от г-на Либмана, но так как письма идут очень медленно, то вполне возможно, что еще получу известия от него. Относительно научных стипендий на 1941 год ничего точно неизвестно, но г-н Мазон сказал моему мужу, что надежда есть.

Насколько я помню, мне остается получить только 300 франков из имеющейся суммы, но так как книги здесь, я продолжу просматривать королевские дипломы в счет тех сумм, которые придут позже.

Я пробуду здесь по меньшей мере неделю. Вот мой адрес: Saint-Malo (Ille-et-Vilaine) 8. bis Boul. de la République. Chez Madame Paillardon. По этому адресу и следует послать остающиеся 300 франков.

Дорогой г-н Лот, я очень хотела бы иметь известия о Вас и всей Вашей семье. Буду очень благодарна, если Ирен и Эвелина напишут мне словечко.

Наилучшие пожелания от всей нашей семьи. Надеюсь скоро увидеть вас всех в Париже.

С самыми дружескими чувствами,
Преданная Вам

Р. Горлин

№ 11

3.VI.1940
Chez M-me Paillardon
8. bis, Boul. de la République
Saint-Malo (Ille-et-Vilaine)

Дорогой месье Лот,

Вот уже почти две недели как я в Сен-Мало. Спокойно делаю свои карточки и много времени провожу с Дорой.

Чувствую некоторые угрызения совести оттого, что я так быстро уехала из Парижа, и особенно оттого, что не повидалась с Вами в Институте, как обычно.

Тогда я только что получила свою стипендию и опасалась потратить ее в Париже, где все мои уроки прекратились из-за того, что дети уехали в провинцию. Здесь жизнь гораздо дешевле и мы как-то устроились, соблюдая режим жесткой экономии. Мне было также очень тяжело находиться в разлуке с дочерью, и сейчас я думаю, что поступила правильно.

Относительно фармацевтики я получила две новости, одна из которых приятная, а вторая неприятная. *La Revue d'histoire de la Pharmacie*, секретарем которого я была шесть лет, под угрозой закрытия. С другой стороны, я только что получила две толстые книги — докторскую диссертацию второго моего фармацевтического патрона г-на Ф. Прева (изобретателя поменоло). Основная диссертация посвящена истории корпоративного фармацевтического права во Франции¹. Он поручил мне составить очень детальный указатель, который я предполагаю сделать здесь во время вынужденных каникул. Эта диссертация, которую г-н Прева только что защитил, содержит главу, основанную на данных дюканжевских карточек. На стр. 186 автор благодарит сотрудников «этого монументального труда».

Я все еще не получила письма от гг. Либманов, отца и сына, но я продолжаю просмотры (*les dépouillements*), так как надеюсь на положительный ответ г. Либмана и особенно потому, что эта работа дает мне некоторое утешение и успокаивает.

Только что я узнала о большой опасности, которая угрожала семье Лосского. Я рада, что Магдалина и ее дети избежали ее².

Дорогой месье Лот, я очень хотела бы знать, как вы все. В данный момент мы рассчитываем еще некоторое время остаться в Сен-Мало. Из-за отсутствия Национальной библиотеки я хожу в муниципальную, маленькую, но превосходную в том, что касается истории Бретани.

Как Мирра Ивановна?

С наилучшими пожеланиями от всех нас

Преданная Вам

Раиса Горлин

---

¹ Имеется в виду работа: [Prevet 1940]. До 1970-х гг. для получения докторской степени (*doctorat d'État ès-Lettres*) во Франции требовалось подготовить и защитить две диссертации по разным темам: основную и дополнительную («*thèse principale*» и «*thèse complémentaire*»).

² Во время немецкой оккупации Франции М. Лосская с детьми должны были скрываться. Ср.: [Лосский 2008, с. 252–253]. Но в июне 1940 г. оккупационный режим еще не был введен, и не вполне ясно, что именно здесь имеется в виду.